

Р. С. Мухаметов

Взаимосвязь православной религиозности и готовности граждан РФ участвовать в коллективных политических действиях: анализ данных «Всемирного исследования ценностей» за 2011 и 2017 гг.



МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

Email: muhamedov.ru@mail.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Почему одни граждане участвуют в акциях протеста, а другие отвергают саму эту возможность? В данной работе утверждается, что коллективные политические действия имеют значение для государственной политики и экономического развития. Автор отмечает, что в научной литературе рассматриваются различные факторы, оказывающие воздействие на уровень индивидуального протестного потенциала. Показано, что малоизученной темой в этом случае выступает исследование влияния религиозности граждан. Автором публикуемой работы уделено внимание определению протестного потенциала как способности и готовности отдельных лиц принимать участие в коллективных политических действиях. Теоретической основой, которая описывает ожидаемую взаимосвязь между православной религиозностью и протестным потенциалом, является в данной работе марксистская концепция религии как части гипотезы о компенсации депривации. В работе сформулирована гипотеза, согласно которой религиозность граждан уменьшает индивидуальную склонность к протесту. Для эмпирической проверки автор обратился к данным социологических опросов «Всемирного исследования ценностей». Итоговая выборка составила 3500–3600 респондентов. Методом исследования стала порядковая логистическая регрессия. По итогам исследования рабочая гипотеза не получила своего эмпирического подтверждения: отрицательная взаимосвязь (чем выше уровень православной религиозности граждан, тем меньше их протестный потенциал) между переменными отсутствует, что опровергает марксистскую концепцию религии. Показано, что готовность граждан протестовать усиливают новости в социальных сетях, интерес к политике и постматериалистические ценности, а уменьшают новости, транслируемые по ТВ. Отмечается, что изучение протестного потенциала — важный инструмент для понимания социальных и политических процессов, выявления проблем, которые волнуют граждан, а также для разработки эффективных стратегий управления общественными отношениями.

Ключевые слова: религиозность; РПЦ; политическое участие; протестный потенциал; коллективные политические действия; гипотеза о компенсации депривации.

Введение

Изучение протестов привлекает огромное внимание представителей академического сообщества. Это вызвано тем, что протест имеет значение для государственной политики и экономического развития. Исследователи обнаружили, что протесты могут влиять на перераспределение бюджетных средств, то есть центральные правительства увеличивают финансирование протестующих регионов, но только в том случае, если регионы политически связаны с правительствами [Archibong 2022]. В предшествующих работах показано, что политические забастовки приводят к существенному росту производственных издержек фирм [Ulug, Acar 2017], и отмечается, что протесты привлекают внимание парламентариев к вопросам, которые связаны с гражданскими и политическими правами, особенно на ранних стадиях процесса формирования повестки дня [King, Bentle, Soule 2007]. Также отмечается сдерживающий эффект протестов: люди, участвовавшие в протестной деятельности при коммунистическом правлении в 1989 г., как правило, демонстрировали долгосрочное снижение политического недовольства [Opp, Kittel 2010]. Протест как один из особых сигналов общественного мнения может повлиять на то, что парламентарии думают о политических вопросах [Wouters, Walgrave 2017]. Важно сказать, что насилистические протесты могут заставить некоторых политиков дистанцироваться от такого способа сопротивления и отказаться от идеологической идентификации с ним [Eady 2023].

Согласно данным ВЦИОМа, протестный потенциал граждан РФ находится на достаточно низком уровне: в январе 2019 г. индекс личного протестного потенциала был 35 пунктов, а в феврале 2025 г. он составил 22 пункта, то есть готовность граждан принять участие в протестах уменьшилась [Протестный потенциал 2025]. По данным «Всемирного исследования ценностей» за 2017 г., 12,1% населения России участвовали в мирных демонстрациях, 31% могли бы участвовать и 56,9% никогда не стали бы участвовать в протестных акциях [Haerpfer et al. 2022]. Исходя из представленных цифр, можно сформулировать исследовательский вопрос: почему одни граждане участвуют в акциях протеста, а другие отвергают саму такую возможность? Что влияет на уровень протестного потенциала?

Настоящая статья посвящена изучению факторов формирования и развития протестного потенциала в России, но не является единственной на эту тему. Многие исследователи подчёркивают влияние Интернета и социальных сетей, их роль в повышении способности человека преодолевать проблему коллективных действий, связанную с трудностями организации и координации усилий большого числа людей ради достижения общей цели. Интернет и социальные сети снижают затраты на координацию таких действий [Иванов 2013; Ениколов, Макарын, Петрова 2015; Ахременко, Стукал, Петров 2020; Беленков, Конча, Ахременко 2024]. Ряд учёных утверждают, что участие в протестах определяется оценкой гражданами социально-экономической ситуации в стране, формируется под влиянием реальных изменений в худшую сторону условий жизни человека [Дементьева 2013; Печеркина 2017]. Анализ показывает, что сторонники акций протеста в стране — это граждане со средним доходом [Латова 2021b]. Другие исследователи считают, что к протестам более склонны люди с левыми взглядами, которые интересуются политикой и разделяют эмансипативные ценности [Кольцова, Киркиж 2016]. Также отмечается, что в протестах принимают участие более образованные и политизированные граждане [Латова 2021a]. Необходимо сказать, что число исследований, посвящённых взаимосвязи религиозности и протестов, очень ограничено. К таким исследованиям относится работа А. Кульковой, которая обнаруживает положительную связь между политическим участием в России и посещением религиозных мероприятий и (или) совершением молитвы [Кулькова 2015].

В научной литературе большая часть работ сосредоточена на изучении взаимосвязи между религиозностью и рождаемостью [Сигарева, Сивоплясова 2019; Пруцкова, Павлютин, Борисова 2023], моральными нормами [Пруцкова 2013; Алексеева (Калиновская) 2023], базовыми ценностями [Пруцкова 2014], патриотизмом [Мухаметов 2025], а также индивидуальными предпочтениями относительно

перераспределения благ [Кулькова 2018]. Учёные выявили положительную взаимосвязь православия с социальным капиталом [Забаев, Орешина, Пруцкова 2014; Пруцкова, Забаев, Маркин 2022] и просоциальными гражданскими установками [Mersianova, Schneider 2018]. Кроме того, исследователи показали влияние сети православных церквей в постсоветской России на индивидуальные политические предпочтения: более густая сеть церквей повышает средний уровень одобрения действующего президента на местах и долю голосов инкумбента на президентских выборах. В то же время не было найдено доказательств какого-либо влияния Церкви на доверие к президенту или на политическую популярность других ветвей и уровней власти (главы регионов, правящая партия, правительство и Дума) [Travova 2022]. Таким образом, обзор литературы показывает, что существует научный вакуум, недостаток исследований, посвящённых взаимосвязи между православной религиозностью граждан и их готовностью к коллективному политическому поведению. Это означает, что присутствует пробел в знаниях, который не заполнен предыдущими академическими работами. Имеющиеся исследования не дают полного ответа на исследовательский вопрос. Настоящая статья стремится в какой-то степени улучшить понимание факторов, оказывающих воздействие на участие граждан в уличных акциях протesta.

Целью настоящей работы является исследование взаимосвязи между православной религиозностью граждан и их способностью, готовностью к коллективному политическому поведению. Иными словами, мы изучаем, как религиозные верования и практики влияют на участие (или неучастие) людей в различных формах совместного выражения своих интересов. Подчёркивая важность протестного потенциала, исследователи отмечают, что готовность к политическому действию является более надёжным предиктором будущей активности, чем анализ прошлых событий. Исследование фокусируется не на факторах, вызывающих конкретные политические проявления, а на детерминантах, стимулирующих формирование группы граждан, потенциально готовых к участию в политических процессах [Kwak 2022].

Предлагаемая статья структурирована следующим образом: вначале с целью обеспечения концептуальной ясности даётся определение понятия «протестный потенциал». Во втором разделе представляется теоретическая основа исследования. Методология исследования, включая описание источников данных и методов анализа, подробно излагается в третьем разделе. Результаты проведённого эмпирического анализа, а также их интерпретация и обсуждение представлены в четвёртом разделе. Наконец, основные выводы исследования и их теоретические и практические импликации суммируются в заключении.

Концептуальные рамки исследования

В литературе по социальным движениям различные формы социального протesta (например, пикеты, уличные шествия) часто описываются как репертуар разногласий (*repertoire of contention*) [Tilly 2004]. Ч. Тилли определил такой репертуар как ограниченный набор процедур, которые изучаются, разделяются и разыгрываются с помощью относительно обдуманного процесса выбора. Сам этот репертуар представляет собой установленные способы, с помощью которых пары акторов предъявляют и получают претензии, касающиеся интересов друг друга [Tilly 1995: 26–27]. Таким образом, понятие «репертуар разногласий» применяется для описания структурированного набора типичных способов выражения политического несогласия гражданами. Протест является одной из форм действий, которые индивиды могут выбирать из этого репертуара, и «красноречивым индикатором проблем, которые не регистрируются и не решаются надлежащим образом», и его можно рассматривать как публичное выражение инакомыслия или критики, часто сопровождающееся предъявлением претензий. Если бы эти претензии были адресованы соответствующим инстанциям или властям, они могли бы затронуть интересы определённых групп в обществе [Rucht, Koopmans, Neidhardt 1999: 8–9]. Протест можно рассматривать как мирную политическую деятельность, сохраняющую некоторую дистанцию от по-

литической системы, но в то же время направленную на то, чтобы оказывать на неё косвенное влияние через подписание петиций или посещение законных демонстраций [Marien, Hooghe, Quintelier 2010]. К. Д. Опп определяет протест как «совместное (то есть коллективное) действие отдельных лиц, направленное на достижение их целей или задач путём воздействия на решения тех, кто обладает властью или принимает ключевые решения» [Opp 2009: 38].

В настоящей работе мы опираемся на определение, данное Д. Макадамом, С. Тэрроу и Ч. Тилли, и полагаем, что протест представляет собой эпизодическое коллективное мероприятие, осуществляющееся лицами, предъявляющими претензии к другим лицам, обладающим политической и экономической властью. Эти претензии, в случае их удовлетворения, затрагивают интересы по крайней мере одного из заявителей. Иск заявителей представляет собой спорный вопрос или предмет разногласий, который выносится на публичное мероприятие с физическим присутствием трёх и более человек [McAdam, Tarrow, Tilly 2003: 5].

Протесты могут принимать различные формы. К классическим типам политического протеста, выделенным М. Каазе и А. Маршем, относятся подписание петиций, присоединение к бойкоту, участие в законных и (или) мирных демонстрациях, присоединение к неофициальным забастовкам, захват зданий или фабрик [Kaase, Marsh 1979]. По мнению исследователей, протестный репертуар имеет иерархическую структуру. Первый уровень этой иерархии включает легитимные и неортодоксальные формы политической деятельности (например, подписание петиций и участие в мирных демонстрациях, которые остаются в рамках принятых демократических норм). Второй уровень представляет собой переход к методам прямого действия, например, бойкотам, которые оказывают более активное, но ненасильственное давление. Третий уровень охватывает незаконные, но ненасильственные действия, включая неофициальные забастовки и мирный захват зданий. Наконец, четвёртый уровень предполагает насилиственные действия, направленные на достижение политических целей [Dalton 2008].

Под протестным потенциалом понимается «общая готовность поддерживать движение и принимать участие в различных типах коллективных действий, которые движение может проводить» [Oegema, Klandermans 1994: 704]. Исследователи отмечают, что этот потенциал объединяет как прошлый опыт участия, так и будущие намерения [William 2023], отражая общую способность или желание выражать несогласие, которое может реализоваться в реальных действиях при создании соответствующих условий. Протестный потенциал характеризует индивидуальную склонность к вовлечённости в протестные акции и концептуально отличается от фактического участия, которое зависит от конкретных политических или экономических факторов, влияния окружения и (или) воздействия вербовочных усилий [Kwak 2022]. Таким образом, протестный потенциал — это совокупность внутренних предпосылок и мотиваций, способствующих участию в протестных движениях.

Теория и гипотезы

В данном разделе представлена теоретическая рамка, которая служит основой для объяснения взаимосвязи между религиозностью граждан и их протестным потенциалом. Теорией, на которой базируется настоящее исследование, является марксистское понимание религии как «опиума народа» [Маркс 1955: 415]. Эта метафора является краеугольным камнем всей идеологии марксизма о религии, когда все современные религии и церкви рассматриваются как инструменты «эксплуатации и одурманивания рабочего класса» [Сухов 2014: 49–50]. Согласно К. Марксу, религия выполняет две важнейшие функции: она укрепляет существующий порядок, освящая его и предполагая, что политический порядок каким-то образом установлен божественной властью, а также утешает угнетённых и эксплуатируемых, предлагая им на небесах то, в чём им отказывают на земле. Маркс, в частности, указал, что религия использовалась правящим классом как удобный способ отвлечь внимание людей от ин-

тересов в политике. Фраза «религия есть опиум народа» употребляется в значении «обезболивание», то есть указывает на возможность уйти от мерзости и убожества бессердечного мира и перенести тяготы отчуждённого бытия, снять боль. В. И. Ленин поддержал аргумент Маркса, утверждая, что правящий класс одурманивает «простой народ» и тем самым отвлекают его от борьбы за свои права [Ленин 1968: 142–143; Сухов 2014]. Исходя из этого, современные марксисты утверждают, что религия с её идеологической направленностью на послушание и конформизм функционирует как препятствие политической активности. Л. Альтюссер полагает, что религия является частью идеологического государственного аппарата: наряду с образованием и СМИ она транслирует господствующую идеологию и поддерживает ложное классовое сознание [Альтюссер 2011]. А. Грамши рассматривал религию как элемент гегемонистского контроля правящего класса и понимал, что превосходство господствующих социальных классов в капиталистических индустриальных обществах всегда основывается на балансе двух факторов — «силы» (принуждения) и «гегемонии» (см. подробнее: [Billings 1990]). Таким образом, согласно марксистской точке зрения, люди усваивают доминирующие нормы послушания, придерживаясь религиозных убеждений, то есть подчёркивается негативное влияние религии на активное участие в политической деятельности.

Современные исследователи также полагают, что при прочих равных условиях компонент религиозности, как правило, служит оправданию статус-кво и подавлению политического протesta, поскольку религиозная вера тесно связана с такими ценностями, способствующими сохранению социального порядка, как традиция и соответствие социальным правилам и нормам. Религиозные люди склонны отдавать предпочтение ценностям, направленным на сохранение социального и индивидуального порядка (традиции и конформизм), и, наоборот, не любят ценности, способствующие открытости к изменениям и автономии (стимулирование, самоуправление), а также придают низкое значение гедонистическим ценностям и открытости к изменениям [Saroglou, Delpierre, Dernelle 2004]. Основной механизм влияния церкви связан с тем, что этот общественный институт формирует поведение своих членов. В частности, предоставляет им различные поведенческие стимулы для участия в религиозной деятельности, что, в свою очередь, имеет систематические последствия для участия в политической деятельности [Campbell 2004; Suh 2021].

Основные положения данной концепции стали частью гипотезы о компенсации депривации (*the deprivation-compensation hypothesis*), согласно которой люди, испытывающие различные формы депривации (социальной, экономической и т. д.), могут обратиться к религии как к способу компенсации того, чего им не хватает в жизни. Предполагается, что люди, находящиеся в неблагоприятных социально-экономических условиях, с большей вероятностью обратятся к Богу, чтобы компенсировать своё тяжёлое положение. Этот тезис утверждает, что вера в сверхъестественное существо может компенсировать негативные психологические последствия непрекращающихся невзгод в повседневной жизни [Glock 1964; Glock, Stark 1965]. В дальнейшем этот тезис получил развитие в теории компенсации религиозной приверженности Старка — Бейнбриджа (The Stark — Bainbridge Compensation Theory of Religious Commitment), по которой религиозные убеждения и приверженность должны обеспечивать позитивное вознаграждение, а не просто удовлетворять потребности, порождаемые лишениями [Stark, Bainbridge 1980].

Важно отметить, что односторонний взгляд на религию как фактор, который узаконивает существующий социально-политический порядок и подавляет гражданскую активность, не отражает всей сложности её влияния на общественно-политические процессы. Существуют теории, объясняющие, как религия может увеличивать протестный потенциал верующих. Например, согласно теологии освобождения, миссия Церкви выходит за рамки духовного руководства, предполагает выступление против всех форм несправедливости, освобождение угнетённых, противостояние политическим силам, которые усугубляют страдания лиц с низким социально-экономическим статусом [Gutiérrez 1998].

Таким образом, исходя из рассмотрения марксистской концепции и гипотезы о компенсации депривации, можно сформулировать рабочую гипотезу исследования: более высокий уровень религиозности граждан отрицательно коррелирует с их протестным потенциалом, снижая готовность к участию в коллективных политических действиях.

Источники данных и методы исследования

Источником информации для исследования являются данные социологического опроса «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, WVS). Это международный исследовательский проект, который посвящён академическому изучению социально-политических, экономических, культурно-религиозных ценностей людей во всём мире. Широкий географический и тематический охват, бесплатная доступность данных опроса и результатов проекта для широкой общественности превратили WVS в один из самых авторитетных и широко используемых межнациональных опросов в социальных науках. Непосредственными источниками информации стали данные двух волн исследований — шестой (2010–2014 гг.) и седьмой (2017–2022 гг.). В России опросы были проведены в 2011 и 2017 гг. В рамках шестой волны было опрошено 2500 человек в стране, а в рамках седьмой — 1810, что в сумме составило 4300 человек. В результате исключения пропущенных значений в итоговую выборку попали приблизительно 3500–3600 опрошенных (более точные цифры представлены в табл. 3). В эту выборку включены ответы только граждан РФ; лиц, которые говорят дома на русском языке, а также исповедуют православное христианство или никакой религиозной веры не придерживаются. По мнению исследователей, Православная церковь исходит из того, что все этнические русские считаются носителями одной и той же религиозной традиции [Agadjanian, Kenworthy, Daugherty 2011]. Россия считается преимущественно православной страной, поскольку 60–70% населения называют себя прииверженцами православного христианства, однако большинство из них не ведут активную религиозную жизнь либо ограничиваются редкими проявлениями религиозной практики [Маркин 2018]. Другими словами, в России проживает большое количество непрактикующих верующих. Более строгая цифра представителей православной веры составляет 15–20% населения страны (для сравнения: мусульман в стране около 10–15%) [CIA World Factbook... 2022: 4210]. Подчеркнём, что исключение из нашего анализа представителей других конфессий вызвано и тем, что К. Маркс говорил именно о христианском учении [Omonijo, Uche, Nnedum 2016; Schnabel 2021].

Зависимая переменная (протестный потенциал) операционализируется через ответы на вопрос: «Я буду называть Вам различные формы политических действий, в которых люди могут принимать участие. Скажите мне по каждому из них, (1) участвовали ли Вы когда-нибудь в таком действии; (2) могли бы участвовать или (3) ни при каких обстоятельствах не стали бы участвовать в нем?». Таким образом, использование дифференцированного подхода к мобилизации протеста позволяет выделить настоящих демонстрантов (то есть тех, кто уже протестовал), потенциальных демонстрантов (тех, кто хочет провести демонстрацию, но ещё не участвовал в уличных акциях протеста) и недемонстрантов (тех, кто сказал, что никогда не будет выходить на демонстрации) [Tatar 2020].

В настоящем исследовании рассматриваются четыре формы коллективных политических действий: подписание петиций (модель 1); участие в мирных демонстрациях (модель 2); участие в бойкотах (модель 3) и в забастовках (модель 4). В таблице 1 в процентах показан протестный потенциал граждан в зависимости от той или иной формы коллективного политического действия.

Таблица 1

Протестный потенциал форм коллективных политических действий (в %)

Протестный потенциал	Формы коллективных политических действий			
	Подписание петиций	Участие в мирных демонстрациях	Участие в бойкотах	Участие в забастовках
Принимал участие	12,6	12,7	2,1	2,1
Мог бы участвовать	27,5	26	18,8	18,8
Никогда не стану участвовать	59,9	61,3	79,1	79,1

Объясняющие предикторы определены целью исследования и теоретическими рамками. Независимая переменная — это религиозность, то есть степень, в которой человек практикует и придерживается убеждений в отношении конкретных религиозных целей и ценностей. В академической литературе хорошо представлена концептуализация различных аспектов религиозности [Пруцкова 2012; Бабич, Хоменко 2018]. А. Окулич-Козарин описала два типа религиозности — социальную и личную. Первую можно рассматривать как посещение религиозных служб или принадлежность к религиозным организациям, в то время как вторая объясняется верой в то, что религия важна, нужно быть религиозным [Okulicz-Kozaryn 2010]. Операционализация независимых предикторов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Операционализация объясняльных переменных

Аспекты религиозности	Переменные	Вопрос из анкеты	Ответы
Социальный	Участие в религиозных организациях	«Сейчас я назову различные общественные организации, а Вы скажите по каждой из них, Вы в них активно участвуете; состоите, но активно не участвуете; не состоите в этой организации или группе?»	«2» — активно участвуете; «1» — состоите, но активно не участвуете; «0» — не состоите в церковных или религиозных организациях.
	Посещение религиозных служб	«Не считая венчаний и похорон, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?»	«1» — чаще, чем раз в неделю; «2» — раз в неделю; «3» — раз в месяц; «4» — по особым религиозным праздникам; «5» — раз в год; «6» — реже, чем раз в год; «7» — никогда, почти никогда
Личный	Важность Бога	«Насколько важен Бог в Вашей жизни?»	«1» — совсем не важен; «10» — очень важен
	Молитвы	«Не считая венчаний и похорон, как часто Вы молитесь Богу?»	«1» — несколько раз в день; «2» — один раз в день; «3» — несколько раз в неделю; «4» — только когда посещаю религиозные службы; «5» — только по особым религиозным праздникам; «6» — раз в год; «7» — реже, чем раз в год; «8» — никогда, почти никогда

Важно отметить, что переменная «Важность Бога» была перекодирована из возрастающей в понижающую шкалу.

В настоящем исследовании используются и контрольные переменные, то есть дополнительные факторы, включённые в статистическую модель для учёта их потенциального влияния на взаимосвязь между исследуемыми независимыми (объясняющими) и зависимыми переменными. Наличие контрольных переменных помогает отвергать альтернативные объяснения эмпирических результатов, что, в свою очередь, позволяет быть уверенным, что полученные эффекты обусловлены главным образом объясняющими предикторами [Atinc, Simmering, Kroll 2012; Bernerth et al. 2018; Weerakoon 2023]. Предыдущие исследования показали влияние СМИ на политическую активность [Kirkizh, Koltsova 2021], поэтому в настоящей работе контролируется просмотр телевизионных новостей и новостного контента по сотовому телефону (Вопрос: «Скажите, пользуетесь Вы этим источником информации (1) каждый день; (2) каждую неделю; (3) каждый месяц; (4) реже, чем раз в месяц, или (5) никогда?»).

Согласно концепции постматериализма (см.: [Инглхарт 2018]) и эмпирическим исследованиям (см.: [Белоусов, Давыдов, Кочухова 2020]), у людей с эмансипативными ценностями больше выражен протестный потенциал. Постматериализм, под которым понимается набор индивидуальных и общественных приоритетов, вытесняющих ценности, связанные с материальными потребностями, способствует участию в различных формах коллективных действий. Необходимо отметить, что в наборе данных за 2017 г. представлены три градации индекса «Постматериализм»: 1 — материалистические ценности; 2 — смешанные; 3 — постматериалистические убеждения. Но в данных за 2011 г. этот индекс отсутствует. Исходя из этого, переменная «Постматериализм» была преобразована в дихотомическую, где значение «0» присвоено ответам, представляющим материалистические ориентации («поддержание порядка в стране» и «борьба с ростом цен»), а «1» — постматериалистические ценности («дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений» и «защита свободы слова»).

В настоящем исследовании присутствует контрольная переменная, отражающая субъективное финансовое благополучие («Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?», где 1 — полностью удовлетворён, а 10 — совершенно не удовлетворён). Шкала из опроса 2017 г. имела противоположные значения, поэтому она была перекодирована. В предшествующей литературе показано, что высокое субъективное благополучие влияет на готовность людей участвовать в спорных политических действиях, снижая протестные настроения [Sulemana, Agyapong 2019; Lindholm 2020].

Взаимосвязь между политическим интересом и участием в протестах хорошо изучена и свидетельствует о том, что более высокий политический интерес часто коррелирует с более активным участием в протестах [Levy, Akiva 2019]. В связи с этим мы стремимся учитывать влияние «интереса к политике» («Скажите, пожалуйста, насколько Вы интересуетесь политикой?», где 1 — очень интересуетесь; 2 — скорее интересуетесь, чем нет; 3 — не очень интересуетесь; 4 — совсем не интересуетесь»).

В работе присутствуют переменные, отражающие социально-демографические индикаторы [Martinez 2008; Tatar 2020]: (1) пол (1 — мужской; 0 — женский); (2) возраст (всего шесть периодов, где 1 — 16–24 года, а 6 — 65 лет и старше); (3) образование (по классификации ISCED, где 0 — вообще не учился в школе или закончил лишь 1–2 класса школы, а 8 — научная степень кандидата или доктора наук); (4) численность населения в пункте проживания респондента, где 1 — ниже 2000 жителей, а 8 — более 500 тыс. человек). Необходимо отметить, что варианты ответов по трём последним переменным выстроены в логическом порядке, который отражает возрастающую степень, поэтому ответы были перекодированы в понижающую шкалу.

Описательная статистика представлена в таблице 3.

Таблица 3
Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Петиции	2,472	3	0,718	1	3
Демонстрации	2,435	3	0,831	1	3
Бойкот	2,769	3	0,469	1	3
Забастовка	2,659	3	0,812	1	3
Участие в религиозных организациях	0,078	0	0,386	1	2
Частота посещения религиозных служб	5,018	5	1,981	1	7
Важность Бога	5,693	6	3,431	1	10
Частота молитв	5,017	5	3,028	1	8
ТВ-новости	1,416	1	0,967	1	5
Новости из социальных сетей	3,163	4	1,962	1	5
Постматерализм	1,281	1	0,497	1	2
Удовлетворён финансовым положением	5,028	5	2,410	1	10
Интерес к политике	2,703	3	0,965	1	4
Пол	0,431	0	0,495	0	1
Возраст	3,621	4	1,630	1	6
Образование	5,803	5	1,995	0	8
Размер города	5,444	7	2,664	1	8

Результаты регрессионного анализа

Цель данного раздела состоит в том, чтобы представить ключевые результаты нашего исследования, в котором эмпирическим путём проверяется влияние религиозности граждан на уровень их протестного потенциала. Для тестирования сформулированной в ходе исследования рабочей гипотезы, основанной на марксистской концепции религии, и гипотезы о компенсации депривации была построена порядковая логистическая регрессионная модель. Проведение теста на обнаружение мультиколлинеарности методом инфляционных факторов (Variance Inflation Factor, VIF) указало на её отсутствие. В таблице 4 представлены результаты с учётом робастных оценок стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Зависимая переменная — уровень протестного потенциала граждан			
	Модель 1 Подписание петиций	Модель 2 Уча- стие в мирных демонстрациях	Модель 3 Участи- е в бойкотах	Модель 4 Участи- е в за- бастовках
Участие в религиозных организациях	– 0,138 (0,086)	– 0,163 (0,105)	– 0,353* (0,185)	– 0,202* (0,113)
Частота посещения религиозных служб	– 0,013 (0,021)	0,042* (0,022)	– 0,037 (0,047)	0,02 (0,028)
Важность Бога	– 0,001 (0,01)	0,009 (0,01)	0,008 (0,026)	0,015 (0,014)
Частота молитв	0,012 (0,013)	0,045*** (0,013)	– 0,11*** (0,032)	– 0,006 (0,018)
ТВ-новости	– 0,085** (0,036)	– 0,019** (0,035)	– 0,078 (0,053)	– 0,044** (0,041)
Новости из социальных сетей	0,032* (0,017)	0,084*** (0,018)	0,243*** (0,04)	0,086*** (0,022)
Постматериализм	0,075** (0,031)	0,047** (0,032)	0,232** (0,101)	0,101** (0,044)
Удовлетворён финансовым положением	– 0,002 (0,013)	– 0,011 (0,014)	0,08* (0,032)	– 0,025 (0,018)
Интерес к политике	0,343*** (0,039)	0,309** (0,039)	0,454*** (0,077)	0,311*** (0,041)
Пол	0,098 (0,07)	0,037 (0,071)	– 0,23 (0,141)	– 0,284*** (0,088)
Возраст	0,058*** (0,022)	– 0,035** (0,023)	0,005 (0,047)	0,119*** (0,027)
Образование	0,057*** (0,017)	0,004 (0,017)	0,039 (0,038)	0,002 (0,021)
Размер города или населённого пункта	– 0,008 (0,012)	– 0,027** (0,012)	– 0,043 (0,027)	– 0,016 (0,016)
Константа	2,2*** (0,093)	2,016*** (0,11)	2,525*** (0,095)	2,282*** (0,1)
Количество наблюдений	3695	3644	3623	3593
Количество корректно предсказанных случаев	2201 (59,6%)	2222 (61,0%)	2873 (79,3%)	2835 (78,9%)
Критерий отношения правдоподобия: Хи-квадрат	505,971 [0,00000]	480,209 [0,00000]	338,899 [0,00000]	610,973 [0,00000]

R-квадрат — 0,34. Исправленный R-квадрат — 0,31.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Примечание: В скобках по столбцам указаны стандартные ошибки.

В теоретическом разделе данной статьи было сформировано ожидание, что высокая религиозность граждан снижает их протестный потенциал. Другими словами, люди с меньшей вероятностью выражают готовность принять участие в протестах при более высоком уровне религиозности. Для повышения достоверности результатов данного исследования были соотнесены различные аспекты религиозности с отдельными видами протестов (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях и т. д.). Из таблицы 2 видно, что в большинстве случаев коэффициенты регрессии имеют отрицательные значения, что согласуется с гипотезой о снижении протестного потенциала среди более религиозных граждан.

Однако только в двух случаях (переменная «частота молитв» для моделей 2 (участие в мирных демонстрациях) и 3 (участие в бойкотах)) эта связь статистически значима ($p < 0,05$). Иными словами, абсолютное большинство показателей религиозности не демонстрируют статистически значимой связи с участием в различных формах коллективных политических действий. Таким образом, результаты настоящего исследования, основанного на данных «Всемирного исследования ценностей», не подтверждают гипотезу об однозначной отрицательной взаимосвязи между православной религиозностью и протестным потенциалом граждан России.

Анализ показал, что другие факторы оказывают значимое влияние на готовность граждан к участию в протестных акциях. Во-первых, результаты настоящего исследования выявили, что просмотр ТВ-новостей сдерживает протестный потенциал граждан: в целом наблюдается отрицательная связь между частотой просмотра ТВ-новостей и готовностью к участию в различных формах протеста (в отношении участия в бойкотах связь также отрицательная, однако статистически незначимая). Во-вторых, просмотр новостей в социальных сетях демонстрирует положительную связь с протестным потенциалом в целом. Статистически значимая положительная взаимосвязь прослеживается для всех рассматриваемых форм протеста (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях, бойкотах и забастовках). Наиболее выраженное влияние отмечено на готовность к участию в бойкотах ($k = 0,243$). Таким образом, чем чаще граждане получают информацию из социальных сетей, тем выше вероятность их участия в протестных действиях. В-третьих, обнаружена статистически значимая и положительная взаимосвязь между постматериалистическими ценностями и протестным потенциалом в целом. Максимальное влияние наблюдается на готовность к участию в бойкотах: $k = (-0,232)$. Наконец, положительную связь с протестным потенциалом в целом демонстрирует интерес к политике. В этом случае все рассматриваемые формы протеста (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях, бойкотах и забастовках) демонстрируют статистически значимую положительную связь. Наиболее сильное влияние, как и в случае с социальными сетями, наблюдается для модели 3 (участие в бойкотах) ($k = 0,454$). Это свидетельствует о том, что интерес к политике, вероятно, является ключевым фактором, стимулирующим граждан к активному участию в политической жизни и, в частности, в протестных действиях.

Обсуждение результатов исследования

Данный раздел посвящён объяснению отсутствия подтверждения рабочей гипотезы исследования, согласно которой религиозность граждан отрицательным образом взаимосвязана с протестным потенциалом, то есть более высокий уровень православной религиозности способствует меньшей готовности людей участвовать в протестах. Важно отметить, что данное теоретическое ожидание было основано не только на марксистской концепции религии и гипотезе о компенсации депривации, но и на доминирующем представлении об идеальной форме взаимоотношений между Церковью и государством: концепция «симфония власти» предполагает гармоничное и взаимодополняемое сотрудничество между церковной и светской властью, где каждая сторона выполняет свои функции, сохраняя автономию, но действуя в общих интересах [Мигунова, Романовская 2013]. В современной России данная концепция стала одной из идеологических основ сотрудничества РПЦ и государства. Исследователи отмечают, что в стране имеет место политизация религии, то есть идёт процесс превращения «нормальной» религии в политическую, возникает смесь религии и идеологии [Mitrofanova 2005]. Сотрудничество РПЦ и российских властей — это многогранный процесс, охватывающий различные сферы общественной жизни — от патриотического воспитания молодёжи и укрепления духовных основ общества в целом, социального служения и благотворительности до международной деятельности [Основы социальной концепции... 2008]. Одним из направлений сотрудничества является взаимодействие РПЦ и оборонного ведомства. Церковь служит инструментом мобилизации, которая обеспечивает качество и количество призыва, помогает ВС РФ в решении ряда проблем, таких как мотивация солдат (укрепление

патриотического духа военнослужащих) и приданье дополнительных смыслов в условиях геополитической напряжённости [Adamsky 2019]. Таким образом, *православная религиозность ассоциируется с лояльностью к власти и поддержкой существующего политического режима*. Отечественные исследования показывают, что православное духовенство может оказывать влияние на электоральный выбор верующих, способствуя поддержке партии «Единая Россия» с помощью различных механизмов [Богачёв, Сорвин 2019; 2020].

Итак, учитывая теоретическую обоснованность исходной гипотезы и её связь с ключевыми концепциями, отсутствие её эмпирического подтверждения требует углублённого анализа и подробного объяснения возможных причин.

Необходимо отметить двоякое отношение руководства РПЦ к участию прихожан в протестных акциях. С одной стороны, существует одобрение свободной и добровольной общественной деятельности, которая основывается на принципах христианской нравственности и направлена на достойное устроение жизни [Общественная деятельность... 2011; Рогозянский 2013]. С другой стороны, митинги рассматриваются как собрания, организаторы которых выступают с речами и призывами, «заводящими» толпу, а участники жертвуют индивидуальностью, попадая под массовый гипноз, что противоречит мирному состоянию духа православного христианина [Штейнберг 2019; Приемлемо ли для православного... 2021].

Православные активисты, являющиеся членами религиозных организаций, могут принимать участие в публичных акциях и кампаниях, направленных на защиту традиционных ценностей (например, против абортов и влияния западной культуры), религиозных святынь (например, от вандализма в отношении церквей и икон) и чувств верующих, а также на борьбу с безнравственностью. В России существуют несколько объединений православных верующих с активной гражданской позицией («Союз православных братств», православное общество «Радонеж», «Союз православных граждан», движение «Сорок сороков», «Божья воля» и др.) [Шилкина 2018: 229–230]. Кроме того, как отмечают отечественные исследователи, неприятие или настороженное отношение к цифровым технологиям остаётся доминирующей чертой российского православия, особенно его фундаменталистско-консервативных течений, что приводит к неприятию цифровизации [Кнопре, Мурашова 2021]. Можно в каком-то плане согласиться с выводами предшествующих исследований, в которых утверждается, что деятельность в религиозных организациях увеличивает участие членов в коллективных политических действиях, так как, во-первых, религиозные сети объединяют людей и способствуют формированию общей идентичности и солидарности; во-вторых, знакомство с политической информацией через участие в религиозных сообществах повышает значимость групповых интересов их членов, вовлекает их в политику и формирует политическое сознание [Arikan, Ben-Nun Bloom 2019].

Объяснением подтверждения отрицательной связи между религиозностью граждан и их протестным потенциалом является также фактор социализации, поскольку рабочая гипотеза не подтвердилась. Исследователи считают, что социальные механизмы, опосредующие влияние религиозности, в значительной степени зависят от уровня первичной религиозной социализации, которая оказывает наиболее значимое воздействие на формирование норм и ценностей, а также рассматривается как фактор, объясняющий отсутствие связи (или очень слабую связь) между религиозностью и ценностями в стране [Прудкова 2015]. Важно подчеркнуть, что концепция религии как опиума народа не находит эмпирического подтверждения в современной России, поскольку религиозность может проявляться в активной социальной деятельности, направленной на решение общественных проблем другими способами, отличными от политического протеста. Для многих верующих социальное служение и благотворительность — это не просто проявление милосердия, но и способ внести вклад в улучшение общества, решить конкретные социальные проблемы и оказать помощь нуждающимся [Антонова, Костина 2009;

Рулинский 2023]. Все это можно рассматривать как альтернативную форму политической активности, направленную на достижение тех же целей, что и протест, но другими средствами.

Наконец, ряд учёных полагают, что отношения между государством и РПЦ в современной России описываются как сложное взаимодействие двух институтов, которые вовлечены не только в сотрудничество, но и в конфронтацию [Kollner 2020]. Исследователи также указывают на существование напряжённости между официальным курсом Русской православной церкви и альтернативными интерпретациями православия, представленными нонконформистским духовенством и мирянами, для которых религиозные принципы являются определяющими в их политическом выборе и действиях [Knox 2004]. Это выступает продолжением разделения, характерного для советской эпохи, когда официальная церковь присягала на верность коммунистическим властям, не защищала православных диссидентов от государственных репрессий [Эллис 1990].

Представляется целесообразным дать также интерпретацию контрольных переменных.

В настоящем исследовании используются и контрольные переменные, то есть дополнительные факторы, включённые в статистическую модель для учёта их потенциального влияния на взаимосвязь между исследуемыми независимыми (объясняющими) и зависимыми переменными. Наличие контрольных переменных помогает отвергать альтернативные объяснения эмпирических результатов, что, в свою очередь, позволяет быть уверенным, что полученные эффекты обусловлены главным образом объясняющими предикторами.

Произведённые статистические расчёты показали отрицательное влияние телевизионных новостей на уровень протестного потенциала: чем чаще граждане смотрят ТВ-новости, тем ниже их готовность участвовать в протестных акциях. Этот результат соответствует выводам предшествующих исследований [Boulianne, Koc-Michalska, Bimber 2020] и укладывается в рамки так называемой парадигмы протesta — теоретической модели, описывающей типичные способы освещения протестных событий в средствах массовой информации. Парадигма протesta включает набор шаблонов и моделей новостного повествования, которые формируются под воздействием различных факторов, таких как личная предвзятость репортёров, редакционная политика новостных организаций, профессиональные нормы журналистики, а также культурные и идеологические барьеры в социальной системе и ограничения, присущие медиа. В результате, освещение протестов на телевидении часто носит демонизирующий характер: протестующих и их сторонников изображают как угрозу общественному порядку, маргинализируют их позиции и недооценивают их требования, жалобы и программы.

Регрессионный анализ демонстрирует положительное и статистически значимое воздействие ознакомления с новостями из социальных сетей на протестный потенциал. Взаимосвязь между использованием социальных сетей и участием в акциях протеста привлекает значительное внимание учёных. Необходимо сказать, что в академической среде существует несколько точек зрения относительно направления этой взаимосвязи. Предшествующие исследования показывают положительную взаимосвязь на индивидуальном уровне между частотой использования социальных медиа и участием в акциях протеста [Valenzuela, Arriagada, Scherman 2014]. Учёные говорят о нескольких способах, с помощью которых социальные сети могут влиять на коллективные действия: предоставление мобилизующей информации и новостей, недоступных в других СМИ; облегчение координации демонстраций, предоставление пользователям возможности присоединиться к политическим действиям; создание возможностей для обмена мнениями с другими людьми [Valenzuela, Arriagada, Scherman 2012]. Другими словами, социальные сети выступают как источник новостей, пространство для выражения политических мнений, а также как место объединения усилий и поиска мобилизующей информации [Valenzuela 2013]. Ещё одна точка зрения представлена лагерем скептиков, представители которого критикуют оптимистиче-

ский диагноз и не только ставят под сомнение либерализующий эффект этой технологии как инструмента политических изменений, но и предполагают, что последствия будут прямо противоположными [Gladwell 2010; Alterman 2011]. По мнению «киберпессимистов», такие технологии не только не способствуют процессу демократизации, но, более того, обладают характеристиками, которые ведут к регрессу, поскольку наделяют авторитарные режимы ресурсами, усиливающими социальный контроль и эффективное преследование инакомыслящих. Словом, социальные сети провоцируют политический регресс, поскольку ослабляют способность общества к самоорганизации и способствуют укреплению репрессивного аппарата и социального контроля авторитарных режимов [Morozov 2011].

Эмпирический анализ выявил положительное влияние политического интереса граждан на уровень их протестного потенциала. Исследователи утверждают, что субъективный политический интерес эквивалентен проявлению внимания, которое рассматривается как предварительное условие для изучения того, что могло бы дать гражданам возможность участвовать в демократических процессах принятия решений [Deth 2000: 119]. Считается, что межличностная дискуссия о политике улучшает понимание политических и социальных проблем, что выражается в гражданской активности. Теоретически данный тезис опирается на модель дифференциальной выгоды (The Differential Gains Model), которая предполагает, что межличностное общение между гражданами влияет на их способность и желание извлекать значимую и мобилизующую информацию из традиционных источников новостей. Иными словами, разговоры о политике помогают людям лучше усваивать информацию из СМИ, повышая их готовность участвовать в политической жизни и протестных акциях [Scheufele 2002; Hardy, Scheufele 2005].

Наконец, настоящее исследование показало, что склонность граждан к участию в акциях протеста выше, если у них явно выражены постматериалистические ценности. Постматериализм, под которым понимается набор индивидуальных и общественных приоритетов, вытесняющих ценности, связанные с материальными потребностями [Miller 2013], способствует множеству коллективных действий. Этот результат укладывается в выводы большей части предшествующей литературы, где поддерживается мысль о том, что лица с эмансипативными ценностями с большей вероятностью стремятся к расширению политических прав и возможностей [Welzel, Deutsch 2012; Charm, Lin 2023]. Р. Инглхарт предлагает три объяснения данной связи: во-первых, постматериалисты способны вкладывать свою энергию в заботы, отличные от сиюминутных физиологических потребностей; во-вторых, они, как правило, составляют меньшинство, которое чувствует, что их приоритеты не разделяются большинством; в-третьих, разрушение, присущее нетрадиционным политическим действиям (например, протестам), может быть менее негативным для постматериалистов, потому что такие действия в меньшей степени угрожают приоритетам постматериалистов, чем материалистов [Inglehart 1990].

Вопреки ожиданиям, основанным на гипотезе компенсации депривации, в настоящем исследовании не было обнаружено статистически значимой связи между субъективным ощущением финансового благополучия и участием в различных формах коллективных политических действий. Это может указывать на то, что экономическое недовольство само по себе не является достаточным фактором для протеста и роль других факторов (например, политических взглядов, уровня социального капитала или страха репрессий) может быть важнее. Предположим, что участие в коллективных политических действиях требует определённых ресурсов (таких как время, деньги, социальные связи), которые могут быть недоступны для людей, находящихся в тяжёлом экономическом положении. В этом случае протест можно рассматривать как «роскошь», доступную только тем, кто имеет определённый уровень благополучия.

Заключение

Проблематика участия граждан в политических протестах остаётся одним из актуальных направлений исследований в современной политической социологии. Настоящее исследование сосредоточено на анализе связи между уровнем православной религиозности граждан и их протестным потенциалом. В теоретической части работа опиралась на марксистскую концепцию, рассматривающую религию как инструмент идеологического контроля, который способствует снижению политической активности, отвлекая внимание граждан от борьбы за свои права. В рамках эмпирического анализа, основанного на данных «Всемирного исследования ценностей» (выборка 3500–3600 респондентов), была проверена рабочая гипотеза о наличии отрицательной связи между уровнем православной религиозности и готовностью к участию в протестных действиях. Однако полученные результаты показали отсутствие статистически значимой связи между указанными переменными. Научная новизна исследования заключается в том, что оно эмпирически опровергает устоявшееся в научной и общественно-политической дискуссии теоретическое ожидание о демобилизующей роли религиозности. Несмотря на значительное теоретическое обоснование идеи о том, что православная религия способствует смирению и снижению гражданской активности, в современных российских реалиях такие представления не находят подтверждения. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости более гибкого и контекстуального подхода к анализу роли религиозности в политическом поведении. Таким образом, результаты данного исследования вносят вклад в развитие теоретических представлений о взаимодействии религиозности и протестной активности, указывая на ограниченность универсального применения марксистской концепции религии и подчёркивая важность учёта социально-политического контекста при интерпретации эмпирических данных.

Несмотря на отсутствие подтверждения основной гипотезы, исследование позволило выявить ряд факторов, оказывающих значительное влияние на протестный потенциал граждан РФ. Установлено, что использование социальных сетей в качестве источника новостной информации положительно коррелирует с готовностью участвовать в коллективных политических действиях, а это свидетельствует о потенциальной роли таких платформ в формировании и распространении протестных настроений. Политический интерес граждан также положительно коррелирует с их склонностью участвовать в протестных акциях. Кроме того, регрессионный анализ показал прямую положительную взаимосвязь между постматериалистическими ценностями и протестным потенциалом. В то же время просмотр телевизионных новостей продемонстрировал отрицательную взаимосвязь с протестным потенциалом, что может свидетельствовать о конформистском влиянии традиционных средств массовой информации. Основные положения настоящей работы позволяют прогнозировать вероятность участия граждан в протестах. Результаты данного исследования могут быть использованы для распространения знаний и повышения осведомлённости властей о способах управления конфликтами и их предотвращении. Изучение протестного потенциала позволяет разрабатывать более точные прогнозы социальных и политических процессов. Представляется перспективным направлением будущих исследований анализ влияния исламских ценностей и норм на политическое поведение и протестный потенциал мусульман в России.

Литература

- Алексеева (Калиновская) П. А. 2023. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодёжи. *Мир России*. 3: 119–144.
- Альтюссер Л. 2011. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). *Неприкосновенный запас*. 3: 14–58.

- Антонова О. И., Костина Н. Б. 2009. Роль религиозных общинств в реализации социальной политики. *Социологические исследования*. 9: 89–97.
- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. 2020. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. 2: 73–91.
- Бабич Н. С., Хоменко В. И. 2018. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели. *Социологические исследования*. 1: 94–104.
- Беленков В. Е., Конча В., Ахременко А. С. 2024. Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ. *Политическая наука*. 2: 171–192.
- Белоусов А. Б., Давыдов Д. А., Кочухова Е. С. 2020. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбург. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 53–72.
- Богачёв М., Сорвин К. 2019. Политика в Церкви: воздействуют ли священники на избирательные предпочтения православных верующих? *Мир России. Социология. Этнология*. 28 (4): 68–91.
- Богачев М., Сорвин К. 2020. Политика в Церкви: за кого агитируют православные священники? *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 38 (3): 331–361.
- Дементьева И. Н. 2013. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала в регионе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 39–50.
- Ениколопов Р., Макарын А., Петрова М. 2015. Социальные медиа и политические протесты. *Вестник общественного мнения*. 3–4 (121): 149–159.
- Забаев И., Орешина Д., Пруткова Е. 2014. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 32 (1): 40–66.
- Иванов Д. А. 2013. Роль виртуальных социальных сетей в политическом протесте (Пермский случай, 2011–2012 гг.). *Вестник Пермского университета. Политология*. 1: 52–59.
- Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А. 2021. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса. *Мир России. Социология. Этнология*. 30 (2): 146–166.
- Кольцова О. Ю., Киркиж Э. А. 2016. Влияние Интернета на участие в протестах. *Полития*. 80 (1): 90–110.
- Кулькова А. Ю. 2015. *Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах*. Препринт WP14/2015/02. Серия WP14: Политическая теория и политический анализ. М.: Изд. дом ВШЭ.

Кулькова А. Ю. 2018. Религия и социальная справедливость: обзор исследований влияния религиозности на предпочтения относительно социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*. 16 (2): 251–264.

Латова Н. В. 2021а. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России. *Journal of Institutional Studies*. 13 (4): 112–125.

Латова Н. В. 2021б. Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены. *Социологическая наука и социальная практика*. 2: 7–26.

Ленин В. И. 1968 (1905) *Социализм и религия*. В изд.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. 12. М.: Политиздат; 142–147.

Маркин К. В. 2018. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 274–290.

Маркс К. 1955 (1844). К критике гегелевской философии права. Введение. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Издательство политической литературы; 414–429.

Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. 2013. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 3 (2): 147–150.

Мухаметов Р. С. 2025. Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 134–155.

Общественная деятельность православных христиан. 2011. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.patriarchia.ru/article/97707> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).

Основы социальной концепции Русской православной церкви. 2008. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Электронный ресурс [код доступа]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).

Печеркина И. Ф. 2017. Детерминанты протестных настроений. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 3 (4): 86–97.

Приемлемо ли для православного христианина участие в протестных политических акциях? 2021. Азбука веры. Форумы. Электронный ресурс [код доступа]: <https://azbyka.ru/forum/threads/priemlemo-li-dlja-pravoslavnogo-xristianina-uchastie-v-protestnyx-politicheskix-akcijah.24653/> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).

Протестный потенциал. 2025. ВЦИОМ. Новости. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).

Пруткова Е. В. 2012. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 30 (2): 268–293.

Прудкова Е. В. 2013. Религиозность и её следствия в ценностно-нормативной сфере. *Социологический журнал*. 2: 72–88.

Прудкова Е. В. 2014. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации. В сб.: XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. Кн. 3. М.: Изд. дом ВШЭ; 527–536.

Прудкова Е. В. 2015. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия*. 3: 62–80.

Прудкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. 2022. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента». Научный результат. *Социология и управление*. 8 (2): 39–59.

Прудкова Е. В., Павлютин И. В., Борисова О. Н. 2023. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 103–126.

Рогозянский А. 2013. Позволительное с полезным. Может ли христианин участвовать в протестах? *Православие.RU*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://pravoslavie.ru/66626.html> (дата обращения: 2 сентября 2025).

Рулинский В. В. 2023. Социальное служение Русской православной церкви на современном этапе (2010–2023 гг.). В сб.: *Диалог власти и гражданского общества (европейский опыт)*. М.: Ин-т Европы РАН; 125–150.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. 2019. Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи. *Logos et Praxis*. 18 (1): 104–115.

Сухов А. Д. 2014. *Философия религии в марксизме и русском материализме XIX в.* М.: ИФ РАН.

Шилкина М. В. 2018. Православные братства Русской православной церкви: религиозный и социальный проекты. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 225–242.

Штейнберг А. 2019. *Можно ли православному христианину участвовать в митингах? Клин православный*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://правклин.рф/2019/11/11/mozhno-li-pravoslavnому-hristianinu-uchastvovat-v-mitingah/> (дата обращения: 2 сентября 2025).

Эллис Д. 1990. *Русская православная церковь: согласие и инакомыслие*. Перев. с англ. прот. Георгия Сидоренко. London: Overseas Publications Interchange Ltd.

Adamsky D. 2019. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*. Stanford: Stanford University Press.

Agadjanian A., Kenworthy S., Daugherty D. 2011. *Understanding World Christianity Russia*. Minneapolis: Fortress Press.

- Alterman J. 2011. The Revolution Will Not Be Tweeted. *The Washington Quarterly*. 34 (4): 103–116.
- Archibong B. 2022. *Protest Matters: The Effects of Protests on Economic Redistribution*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/362080514_Protest_Matters_The_Effects_of_Protests_on_Economic_Redistribution (accessed 2 September 2025).
- Arikan G., Ben-Nun Bloom P. 2019. Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*. 52 (2): 246–276.
- Atinc G., Simmering M., Kroll M. 2012. Control Variable Use and Reporting in Macro and Micro Management Research. *Organizational Research Methods*. 15 (1): 57–74.
- Bernerth J. et al. 2018. Control Variables in Leadership Research: A Qualitative and Quantitative Review. *Journal of Management*. 44 (1): 131–160.
- Billings D. 1990. Religion as Opposition: A Gramscian Analysis. *American Journal of Sociology*. 96 (1): 1–31.
- Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. 2020. Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization. *Information, Communication & Society*. 23 (3): 1–23.
- Campbell D. 2004. Acts of Faith: Churches and Political Engagement. *Political Behavior*. 26 (2): 155–180.
- Charm T., Lin T. 2023. Post-Materialism and Political Grievances: Implications for Protest Participation in Hong Kong. *Journal of Asian and African Studies*. 58 (1): 46–67.
- CIA World Factbook 2022–2023. 2022. New York: Skyhorse Publishing.
- Dalton R. J. 2008. *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. Chatham: Chatham House.
- Deth J. 2000. Interesting but Irrelevant: Social Capital and the Saliency of Politics in Western Europe. *European Journal of Political Research*. 37 (2): 115–147.
- Eady G. 2023. Do Violent Protests Affect Expressions of Party Identity? Evidence from the Capitol Insurrection. *American Political Science Review*. 117 (3): 1151–1157.
- Gladwell M. 2010. Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted. *New Yorker*. October 4: 42–49.
- Glock C. 1964. The Role of Deprivation in the Origin and Evolution of Religious Groups. In: Lee R., Marty M. (eds) *Religion and Social Conflict*. New York: Oxford University Press; 24–36.
- Glock C., Stark R. 1965. *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally.
- Gutiérrez G. 1998. *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*. New York: Orbis Books.
- Haerpfer C. et al. (eds) 2022. *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Version 5.0. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat.

- Hardy B., Scheufele D. 2005. Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions. *Journal of Communication*. 55 (1): 71–84.
- Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Levy B. L. M., Akiva T. 2019. Motivating Political Participation Among Youth: An Analysis of Factors Related to Adolescents' Political Engagement. *Political Psychology*. 40 (5): 1039–1055.
- Lindholm A. 2020. Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*. 46 (3): 467–488.
- Kaase M., Marsh A. 1979. Political Action. A Theoretical Perspective. In: Barnes S., Kaase M. (eds) *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage; 27–56.
- King B. G., Bentele K., Soule S. 2007. Protest and Policymaking: Explaining Fluctuation in Congressional Attention to Rights Issues, 1960–1986. *Social Forces*. 86 (1): 137–163.
- Kirkizh N., Koltsova O. 2021. Online News and Protest Participation in a Political Context: Evidence from Self-Reported Cross-Sectional Data. *Social Media + Society*. 7 (1): 205630512098445.
- Knox Z. 2004. *Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism*. London, UK: Routledge.
- Kollner T. 2020. *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*. London, UK: Routledge.
- Kwak J. 2022. Measuring and Analyzing Protest Potential from a Survey Data Recycling Framework. *American Behavioral Scientist*. 66 (4): 434–458.
- Marien S., Hooghe M., Quintelier E. 2010. Inequalities in Non-Institutionalized Forms of Political Participation: A Multi-Level Analysis of 25 Countries. *Political Studies*. 58 (1): 187–213.
- Martinez L. 2008. The Individual and Contextual Determinants of Protest Among Latinos. *Mobilization: An International Quarterly*. 13 (2): 189–204.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. 2003. *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McLeod D. 2007. News Coverage and Social Protest: How the Media's Protect Paradigm Exacerbates Social Conflict. *Journal of Dispute Resolution*. 1: 185–194.
- McLeod D., Detenber B. 1999. Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Communication*. 49 (3): 3–23.
- McLeod D., Hertog J. 1992. The Manufacture of Public Opinion by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. *Discourse & Society*. 3 (3): 259–275.
- Mersianova I. V., Schneider F. A. 2018. Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation. *Sociology of Religion*. 79 (4): 495–519.

- Miller P. 2013. Postmaterialism and Social Movements. In: Snow D. et al. (eds) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. doi: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm165>
- Mitrofanova A. 2005. *The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Morozov E. 2011. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs.
- Oegema D., Klandermans B. 1994. Why Social Movement Sympathizers Don't Participate. *American Sociological Review*. 59 (5): 703–722.
- Okulicz-Kozaryn A. 2010. Religiosity and Life Satisfaction Across Nations. *Mental Health, Religion & Culture*. 13 (2): 155–169.
- Omonijo D. O., Uche O. O. C., Nnedum O. A. U. 2016. Chine B.C. Religion as the Opium of the Masses: A Study of the Contemporary Relevance of Karl Marx. *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*. 1 (3): 1–7.
- Opp K. D. 2009. *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multi-Disciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. Abingdon, UK: Routledge.
- Opp K. D., Kittel B. 2010. The Dynamics of Political Protest: Feedback Effects and Interdependence in the Explanation of Protest Participation. *European Sociological Review*. 26 (1): 97–109.
- Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F. 1999. *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Saroglou V., Delpierre V., Dernelle R. 2004. Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartzs Model. *Personality and Individual Differences*. 37 (4): 721–734.
- Scheufele D. A. 2002. Examining Differential Gains from Mass Media and Their Implication for Participatory Behavior. *Communication Research*. 29 (1): 46–65.
- Schnabel L. 2021. Opiate of the Masses? Inequality, Religion, and Political Ideology in the United States. *Social Forces*. 99 (3): 979–1012.
- Stark R., Bainbridge W. 1980. Towards a Theory of Religion: Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 19 (2): 114–128.
- Suh C. S. 2021. In the Smoke of the People's Opium: The Influence of Religious Beliefs and Activities on Protest Participation. *International Sociology*. 36 (3): 026858092096201. doi:10.1177/0268580920962016
- Sulemana I., Agyapong E. 2019. Subjective Well-Being and Political Participation: Empirical Evidence from Ghana. *Review of Development Economics*. 23 (3): 1368–1386.
- Tatar M. I. 2020. What Drives Individual Participation in Mass Protests? Grievance Politicization, Recruitment Networks and Street Demonstrations in Romania. *Journal of Identity and Migration Studies*. 14 (2): 112–140.

- Tilly Ch. 1995. Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. In: Traugott M. (ed.) *Repertoires and Cycles of Collective Action* Durham. Durham, NC: Duke University Press; 15–42.
- Tilly Ch. 2004. *Social Movements, 1768–2004*. London: Paradigm.
- Travova E. 2022. For God, Tsar and Fatherland? The Political Influence of Church. *CERGE-EI Working Paper Series*. 722. Available at: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp722.pdf> (accessed 2 September 2025).
- Ulug Ö. M., Acar Y. 2017. What Happens After the Protests? Understanding Protest Outcomes Through Multi-Level Social Change. *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*. 24 (1): 44–53.
- Valenzuela S. 2013. Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior: The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism. *American Behavioral Scientist*. 57 (7): 920–942. Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2012. The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile. *Journal of Communication*. 62 (2): 299–314.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2014. Facebook, Twitter, and Youth Engagement: A Quasi-Experimental Study of Social Media Use and Protest Behavior Using Propensity Score Matching. *International Journal of Communication*. 8 (1): 2046–2070.
- Weerakoon C. 2023. Enhancing Methodological Rigour: Control Variable Utilisation and Reporting in Social Entrepreneurship Research. *Journal of Social Entrepreneurship*. 14: 1–31. doi: <https://doi.org/10.1080/19420676.2023.2266813>
- Welzel C., Deutsch F. 2012. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of ‘Ecological’ Effects. *British Journal of Political Science*. 42 (2): 465–479.
- William D. 2023. How Do Political Opportunities Impact Protest Potential? A Multilevel Cross-National Assessment. *International Journal of Comparative Sociology*. 64 (4): 350–374.
- Wouters R., Walgrave S. 2017. Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*. 82 (2): 361–383.

Ruslan Mukhametov

The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence from the 2011 and 2017 World Values Survey

MUKHAMEDOV, Ruslan —

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department Political Sciences,
Ural Federal University named
after the first President of
Russia B. N. Yeltsin. Address:
51 Lenin Ave., 620083,
Yekaterinburg, Russian
Federation.

Email: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

The article explores why some citizens engage in protest actions while others reject the possibility altogether, arguing that protest influences public policy and economic development. It notes that existing scientific literature identifies various factors affecting individual protest potential but highlights that the influence of citizens' religiosity remains underexplored. Theoretical grounding is provided by the Marxist concept of religion as part of the deprivation-compensation hypothesis, which suggests religiosity may reduce protest propensity. Formulating a hypothesis that Orthodox religiosity decreases individuals' willingness to protest, the author empirically tests this using data from the World Values Survey, involving a sample of approximately 3,500–3,600 respondents and employing ordinal logistic regression. The study finds no empirical support for the hypothesized negative relationship; hence, the Marxist concept is not confirmed in this context. Additional findings reveal that reading news on social networks, political interest, and post-materialist values increase protest potential, whereas watching TV news decreases it. The author underscores that studying protest potential provides valuable insights into social and political dynamics, citizen concerns, and aids in developing effective public relations management strategies.

Keywords: religiosity; Russian Orthodox Church; political participation; protest potential; collective political action; the deprivation-compensation hypothesis.

References

- Adamsky D. (2019) *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, Stanford: Stanford University Press.
- Agadjanian A., Kenworthy S., Daugherty D. (2011) *Understanding World Christianity Russia*, Minneapolis: Fortress Press.
- Ahremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Set ili tekst? Phaktory rasprostraneniya protesta v sotsialnykh media: teoriya i analiz dannykh [Network or Text? Factors of the Spread of Protest in Social Media: Theory and Data Analysis]. *Polis. Political Studies = Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 73–91 (in Russian).
- Alekseeva (Kalinovskaya) P. A. (2023) Svyaz religioznosti i tsennostno-normativnykh predstavleniy o brake: vzglyad rossiyskoy brachnoy molodezhi [The Connection between Religiosity and Value-Normative Ideas

- about Marriage: The View of Russian Married Youth]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 3, pp. 119–144 (in Russian).
- Al'tjusser L. (2011) The Revolution Will Not Be Tweeted. *The Washington Quarterly*, vol. 34, no 4, pp. 103–116.
- Al'tjusser L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovaniya) [Ideology and Ideological Apparatuses of the State (Notes for Research)]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 3, pp. 14–58 (in Russian).
- Antonova O. I., Kostina N. B. (2009) Rol religioznykh obshhnostey v realizatsii sotsialnoy politiki. [The Role of Religious Communities in the Implementation of Social Policy]. *Sociological Studies = Sociologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 89–97 (in Russian).
- Archibong B. (2022) *Protest Matters: The Effects of Protests on Economic Redistribution*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/362080514_Protest_Matters_The_Effects_of_Protests_on_Economic_Redistribution (accessed 2 September 2025).
- Arikan G., Ben-Nun Bloom P. (2019) Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*, vol. 52, no 2, pp. 246–276.
- Atinc G., Simmering M., Kroll M. (2012) Control Variable Use and Reporting in Macro and Micro Management Research. *Organizational Research Methods*, vol. 15, no 1, pp. 57–74.
- Babich N. S., Homenko V. I. (2018) Shkala “predrapspolozhennost’ k religioznosti”: empiricheskaya aprobatiya i povyshenie urovnya phormalizatsii modeli [The Scale of “Predisposition to Religiosity”: Empirical Approbation and Increasing the Level of Formalization of the Model]. *Sociological Studies = Sociologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 94–104 (in Russian).
- Belenkov V. E., Koncha V., Ahremenko A. S. (2024) Vliyanie inphormatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na politicheskuyu stabilnost v menyayushchemsyu mire: kross-stranovoy kolichestvennyy analiz [The Impact of Information and Communication Technologies on Political Stability in a Changing World: A Cross-Country Quantitative Analysis]. *Political Science (RU) = Politicheskaja nauka*, no 2, pp. 171–192 (in Russian).
- Belousov A. B., Davydov D. A., Kochuhova E. S. (2020) V postmaterialisticheskem trende: motivatsiya uchastnikov protesta v skvere u Teatra dramy v Ekaterinburg [In the Post-Materialist Trend: The Motivation of the Protesters in the Square Near the Drama Theater in Yekaterinburg]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 6, pp. 53–72 (in Russian).
- Bernerth J., Cole M., Taylor E., Walker J. (2018) Control Variables in Leadership Research: A Qualitative and Quantitative Review. *Journal of Management*, vol. 44, no 1, pp. 131–160.
- Billings D. (1990) Religion as Opposition: A Gramscian Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 96, no 1, pp. 1–31.
- Bogachev M., Sorvin K. (2019) Politika v Tserkvi: vozdeystvujut li svyashhenniki na elektoralnye predpochteniya pravoslavnnykh veruyushchikh? [Politics in the Church: Do Priests Influence the Electoral Preferences of Orthodox Believers?]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 4, pp. 68–91 (in Russian).

- Bogachev M., Sorvin K. (2020) Politika v Tserkvi: za kogo agitiruyut pravoslavnye svyashchenniki? [Politics in the Church: Whom do Orthodox Priests Campaign for?]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no 3, pp. 331–361 (in Russian).
- Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. (2020) Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization. *Information, Communication & Society*, vol. 23, no 3, pp. 1–23.
- Campbell D. (2004) Acts of Faith: Churches and Political Engagement. *Political Behavior*, vol. 26, no 2, pp. 155–180.
- Charm T., Lin T. (2023) Post-Materialism and Political Grievances: Implications for Protest Participation in Hong Kong. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 58, no 1, pp. 46–67.
- CIA World Factbook 2022–2023*. (2022), New York: Skyhorse Publishing.
- Dalton R. J. (2008) *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*, Chatham: Chatham House.
- Dementeva I. N. (2013) Sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty phormirovaniya protestnogo potentsiala v regione [Socio-Economic and Socio-Political Aspects of the Formation of Protest Potential in the Region]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 39–50 (in Russian).
- Deth J. (2000) Interesting but Irrelevant: Social Capital and the Saliency of Politics in Western Europe. *European Journal of Political Research*, vol. 37, no 2, pp. 115–147.
- Eady G. (2023) Do Violent Protests Affect Expressions of Party Identity? Evidence from the Capitol Insurrection. *American Political Science Review*, vol. 117, no 3, pp. 1151–1157.
- Ellis J. (1990) Russkaya pravoslavnaya tserkov [The Russian Orthodox Church], London: Overseas Publications Interchange Ltd (in Russian).
- Enikolopov R., Makar'in A., Petrova M. (2015) Sotsialnye media i politicheskie protesty [Social Media and Political Protests]. *The Russian Public Opinion Herald = Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3–4, pp. 149–159 (in Russian).
- Gladwell M. (2010) Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted. *New Yorker*, October 4, pp. 42–49.
- Glock C. (1964) The Role of Deprivation in the Origin and Evolution of Religious Groups. *Religion and Social Conflict* (eds. R. Lee, M. Marty), New York: Oxford University Press, pp. 24–36.
- Glock C., Stark R. (1965) *Religion and Society in Tension*, Chicago: Rand McNally.
- Gutiérrez G. (1998) *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*, New York: Orbis Books.
- Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds). (2022) *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Version 5.0, Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat.

- Hardy B., Scheufele D. (2005) Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions. *Journal of Communication*, vol. 55, no 1, pp. 71–84.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolyutsiya. Kak izmenyajutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World], Moscow: Mysl (in Russian).
- Ivanov D. A. (2013) Rol virtualnykh sotsialnykh setey v politicheskem proteste (Permskiy sluchay, 2011–2012 gg.) [The Role of Virtual Social Networks in Political Protest (Perm Case, 2011–2012)]. *Bulletin of Perm University. Political Science = Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*, no 1, pp. 52–59 (in Russian).
- Latova N. V. (2021a) Vliyanie obrazovaniya na politicheskoe uchastie i zapros na peremeny v sovremennoy Rossii [The Influence of Education on Political Participation and the Demand for Change in Modern Russia]. *Journal of Institutional Studies*, no 4, pp. 112–125 (in Russian).
- Latova N. V. (2021b) Sotsial'no-ekonomiceskoe polozhenie aktorov zaprosa na peremeny [The Socio-Economic Situation of the Actors Requesting Change]. *Sociological Science and Social Practice = Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, no 2, pp. 7–26 (in Russian).
- Levy B. L. M., Akiva T. (2019) Motivating Political Participation Among Youth: An Analysis of Factors Related to Adolescents' Political Engagement. *Political Psychology*, vol. 40, no 5, pp. 1039–1055.
- Lindholm A. (2020) Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*, vol. 46, no 3, pp. 467–488.
- Kaase M., Marsh A. (1979) Political Action. A Theoretical Perspective. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies* (eds. S. Barnes, M. Kaase), Beverly Hills: Sage, pp. 27–56.
- King B. G., Bentele K., Soule S. (2007) Protest and Policymaking: Explaining Fluctuation in Congressional Attention to Rights Issues, 1960–1986. *Social Forces*, vol. 86, no 1, pp. 137–163.
- Kirkizh N., Koltsova O. (2021) Online News and Protest Participation in a Political Context: Evidence from Self-Reported Cross-Sectional Data. *SocialMedia + Society*, vol. 7, no 1, art. 205630512098445. Available at: <https://scila.hse.ru/data/2021/02/16/1407929288/2056305120984456.pdf?ysclid=mf6un5h3wn936891788> (accessed 3 September 2025).
- Knorre B. K., Murashova A. A. (2021) “V nachale bylo Slovo...”, a v kontse budet chislo? Pravoslavie i antisiphrovoy protest v Rossii: s 1990-kh do koronavirusa [“In the Beginning Was the Word...”, and in the End Will There Be a Number? Orthodoxy and Anti-Digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 30, no 2, pp. 146–166 (in Russian).
- Knox Z. (2004) *Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism*, London, UK: Routledge.
- Koltsova O. Yu, Kirkizh Ye. A. (2016) Vliyanie Interneta na uchastie v protestakh [The Impact of the Internet on Participation in Protest]. *Politeia*, no 1 (80), pp. 90–110 (in Russian).

Kollner T. (2020) *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*, London, UK: Routledge.

Kulkova A. Yu. (2015) Religioznost i politicheskoe uchastie: rol politiki v rossiyskikh religioznykh obshchinhakh [Religiosity and Political Participation: The Role of Politics in Russian Religious Communities]. *Working paper WP14/2015/02*. Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Kul'kova A. Ju. (2018) Religijy i sotsialnaya spravedlivost: obzor issledovaniy vliyaniya religioznosti na predpochteniya otnositelno sotsialnoj politiki [Religion and Social Justice: A Review of Studies on the Impact of Religiosity on Social Policy Preferences]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal Issledovanij Social'noj Politiki*, vol. 16, no 2, pp. 251–264 (in Russian).

Kwak J. (2022) Measuring and Analyzing Protest Potential from a Survey Data Recycling Framework. *American Behavioral Scientist*, vol. 66, no 4, pp. 434–458.

Lenin V. I. (1968 [1905]) Sotsializm i religiya [Socialism and Religion]. *Poln. sobr. soch* [Complete Works], 5 th edn., vol. 12, Moscow: Политиздат, pp. 142–147 (in Russian).

Markin K. V. (2018) Mezhdu veroy i neveriem: nepraktikuyushhie pravoslavnnye v kontekste rossiyskoy sotsiologii religii [Between Faith and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 2, pp. 274–290 (in Russian).

Marx K. (1955 [1844]) K kritike gegelevskoy philosophii prava. Vvedenie [Critique of Hegel's Philosophy of Law. Introduction]. *Sochinenija*. [Works], 2nd edn., vol. 1], Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literature, pp. 414–429. (in Russian).

Marien S., Hooghe M., Quintelier E. (2010) Inequalities in Non-Institutionalized Forms of Political Participation: A Multi-Level Analysis of 25 Countries. *Political Studies*, vol. 58, no 1, pp. 187–213.

Martinez L. (2008) The Individual and Contextual Determinants of Protest Among Latinos. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 13, no 2, pp. 189–204.

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. (2003) *Dynamics of Contention*, Cambridge: Cambridge University Press.

McLeod D. (2007) News Coverage and Social Protest: How the Media's Protect Paradigm Exacerbates Social Conflict. *Journal of Dispute Resolution*, no 1, pp. 185–194.

McLeod D., Detenber B. (1999) Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Communication*, vol. 49, no 3, pp. 3–23.

McLeod D., Hertog J. (1992) The Manufacture of Public Opinion by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. *Discourse & Society*, vol. 3, no 3, pp. 259–275.

Mersianova I. V., Schneider F. A. 2018. Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation. *Sociology of Religion*, vol. 79, no 4, pp. 495–519.

Migunova T. L., Romanovskaja L. R. (2013) "Simfoniya vlastey" kak printsip vzaimootnosheniy mezhdutserkovyu i gosudarstvom [The "Symphony of Authorities" as a Principle of the Relationship between Church and State]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod = Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no 3 (2), pp. 147–150 (in Russian).

Miller P. (2013) Postmaterialism and Social Movements. *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements* (eds. D. Snow, D. della Porta, B. Klandermans), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1–4. Available at: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm165> (accessed 2 September 2025).

Mitrofanova A. (2005) *The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Morozov E. (2011) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*, New York: Public Affairs.

Mukhametov R. S. (2025) Vzaimosvyaz religioznosti i urovnya patriotizma grazhdan RF: analiz dannykh Vsemirnogo obzora tseennostey [The Relationship between Religiousness and the Level of Patriotism among Russian Citizens: An Analysis of Data from the World Values Survey]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomiceskie i sotsialnye peremeny*, no 3, pp. 134–155 (in Russian).

Obshchestvennaya deyatelnost pravoslavnnykh khristian [Social Activities of Orthodox Christians] (2011) *The Russian Orthodox Church. The official website of the Moscow Patriarchate = Russkaya pravoslavnaya tserkov. Ofitsialnyy sayt Moskovskogo Patriarkhata*. Available at: <https://www.patriarchia.ru/article/97707> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Oegema D., Klandermans B. (1994) Why Social Movement Sympathizers Don't Participate. *American Sociological Review*, vol. 59, no 5, pp. 703–722.

Okulicz-Kozaryn A. (2010) Religiosity and Life Satisfaction Across Nations. *Mental Health, Religion & Culture*, vol. 13, no 2, pp. 155–169.

Omonijo D. O., Uche O. O. C., Nnedum O. A. U. (2016) Chine B. C. Religion as the Opium of the Masses: A Study of the Contemporary Relevance of Karl Marx. *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*, vol. 1, no 3, pp. 1–7.

Opp K. D. (2009) *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multi-Disciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*, Abingdon, UK: Routledge.

Opp K. D., Kittel B. (2010) The Dynamics of Political Protest: Feedback Effects and Interdependence in the Explanation of Protest Participation. *European Sociological Review*, vol. 26, no 1, pp. 97–109.

Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi [The Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church] (2008) The Russian Orthodox Church. *The official website of the Moscow Patriarchate = Russkaya pravoslavnaya tserkov. Ofitsialnyy sayt Moskovskogo Patriarkhata*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Pecherkina I. F. (2017) Determinanty protestnykh nastroeniy [Determinants of Protest Sentiments]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research = Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomiceskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no 4, pp. 86–97 (in Russian).

Priemlemo li dlya pravoslavnogo khristianina uchastie v protestnykh politicheskikh aktsiyakh? [Is it Acceptable for an Orthodox Christian to Participate in Political Protest Actions?] (2021) *Azbyka very. Forums*. Available at: <https://azbyka.ru/forum/threads/priemlemo-li-dlya-pravoslavnogo-xristianina-uchastie-v-protestnyx-politicheskix-akcijax.24653/> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Protestnyy potentsial [Protest Potential] (2025) *Russian Public Opinion Research Center = VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Pruckova E. V. (2012) Operatsionalizatsiya ponyatiya «religioznost» v empiricheskikh issledovaniyakh [Operationalization of the Concept of “Religiosity” in Empirical Research]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Cerkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 30, no 2, pp. 268–293 (in Russian).

Pruckova E. V. (2013) Religioznost i ee sledstviya v tsennostno-normativnoy sphere [Religiosity and Its Consequences in the Value-Normative Sphere]. *Sociological Journal = Sociologicheskiy zhurnal*, no 2, pp. 72–88 (in Russian).

Pruckova E. V. (2014) Vliyanie religioznosti na bazovye tsennosti naseleniya evropeyskikh stran: effekt per-vichnoy religioznoy sotsializatsii [The Influence of Religiosity on the Basic Values of the Population of European Countries: The Effect of Primary Religious Socialization]. *XIV Aprelskaya mezdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: [XIV April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development]*, vol. 3, Moscow: HSE Publishing House, pp. 527–536 (in Russian).

Pruckova E. V. (2015) Svjaz’ religioznosti i tsennostno-normativnykh pokazateley: phaktor religioznoy sotsializatsii [The Relationship between Religiosity and Value-Normative Indicators: A Factor of Religious Socialization]. *St. Tikhon’s University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies = Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija I: Bogoslovie. Filosofija*, no 3, pp. 62–80 (in Russian).

Pruckova E. V., Pavljutkin I. V., Borisova O. N. (2023) Svyaz religioznosti i rozhdaemosti v Rossii na phone drugikh evropeyskikh stran: effekt sotsialnogo konteksta [The Relationship between Religiosity and Fertility in Russia Compared to other European Countries: The Effect of the Social Context]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social’nye peremeny*, no 2, pp. 103–126 (in Russian).

Pruckova E. V., Zabaev I. V., Markin K. V. (2022) Sotsialnyy kapital i religioznost v Rossii: analiz s pozitsii “donora” i “retsipienta” [Social Capital and Religiousness in Russia: Analysis from the Perspective of a “Donor” and a “Recipient”]. *Research result. Sociology and Management = Nauchnyy rezul’tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 8, no 2, pp. 39–59 (in Russian).

Rogozjanskij A. (2013) *Pozvolitel’noe s poleznym. Mozhet li khristianin uchastvovat v protestakh?* [Permissible with Useful. Can a Christian Participate in Protests?]. *Pravoslavie.RU*. Available at: <https://pravoslavie.ru/66626.html> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F. (1999) *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Rulinskij V. V. (2023) Sotsialnoe sluzhenie Russkoy pravoslavnoy tservi na sovremennom etape (2010–2023 gg.) [Social Service of the Russian Orthodox Church at the Present Stage (2010–2023)]. *Dialog*

- vlasti i grazhdanskogo obshchestva (evropeyskiy opyt)* [Dialogue of the Government and Civil Society (European Experience)], Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, pp. 125–150 (in Russian).
- Saroglou V., Delpierre V., Dernelle R. (2004) Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartzs Model. *Personality and Individual Differences*, vol. 37, no 4, pp. 721–734.
- Scheufele D. A. (2002) Examining Differential Gains from Mass Media and Their Implication for Participatory Behavior. *Communication Research*, vol. 29, no 1, pp. 46–65.
- Schnabel L. (2021) Opiate of the Masses? Inequality, Religion, and Political Ideology in the United States. *Social Forces*, vol. 99, no 3, pp. 979–1012.
- Shilkina M. V. (2018) Pravoslavnye bratstva Russkoy pravoslavnoy tservi: religioznyj i sotsialnyy proekty [Orthodox Brotherhoods of the Russian Orthodox Church: Religious and Social Projects]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 2, pp. 225–242 (in Russian).
- Shteynberg A. (2019) Mozhno li pravoslavnому khristianinu uchastvova v mitingakh? [Is it Allowed for an Orthodox Christian to Participate in Rallies?]. *Klin pravoslavnyy*. Available at: <https://pravklin.rf/2019/11/11/mozhno-li-pravoslavnому-hristianinu-uchastvovat-v-mitingakh/> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Sigareva E. P., Sivopljasova S.Ju. (2019) Rozhdaemosost i religioznost v Rossii: otsenka vzaimosvyazi [Fertility and Religiosity in Russia: An Assessment of the Relationship]. *Logos et Praxis*, vol. 18, no 1, pp. 104–115 (in Russian).
- Stark R., Bainbridge W. (1980) Towards A Theory of Religion: Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 19, no 2, pp. 114–128.
- Suh C. S. (2021) In the Smoke of the People's Opium: The Influence of Religious Beliefs and Activities on Protest Participation. *International Sociology*, vol. 36, no 3, art. 026858092096201. doi:10.1177/0268580920962016
- Suhov A. D. (2014) *Philosophiya religii v marksizme i russkom materializme XIX v.* [Philosophy of Religion in Marxism and Russian Materialism of the 19th Century], Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).
- Sulemana I., Agyapong E. (2019) Subjective Well-Being and Political Participation: Empirical Evidence from Ghana. *Review of Development Economics*, vol. 23, no 3, pp. 1368–1386.
- Tatar M. I. (2020) What Drives Individual Participation in Mass Protests? Grievance Politicization, Recruitment Networks and Street Demonstrations in Romania. *Journal of Identity and Migration Studies*, vol. 14, no 2, pp. 112–140.
- Tilly Ch. (1995) Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. *Repertoires and Cycles of Collective Action Durham* (ed. M. Traugott), Durham, NC: Duke University Press, pp. 15–42.
- Tilly Ch. (2004) *Social Movements, 1768–2004*, London: Paradigm.

- Travova E. (2022) For God, Tsar and Fatherland? The Political Influence of Church. *CERGE-EI Working Paper Series*, no 722. Available at: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp722.pdf> (accessed 2 September 2025).
- Ulug Ö. M., Acar Y. (2017) What Happens After the Protests? Understanding Protest Outcomes Through Multi-Level Social Change. *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*, vol. 24, no 1, pp. 44–53.
- Valenzuela S. (2013) Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior: The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 7, pp. 920–942.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. (2012) The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile. *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 299–314.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. (2014) Facebook, Twitter, and Youth Engagement: A Quasi-Experimental Study of Social Media Use and Protest Behavior Using Propensity Score Matching. *International Journal of Communication*, vol. 8, no 1, pp. 2046–2070.
- Weerakoon C. (2023) Enhancing Methodological Rigour: Control Variable Utilisation and Reporting in Social Entrepreneurship Research. *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 14, pp. 1–31. Available at: <https://doi.org/10.1080/19420676.2023.2266813> (accessed 2 September 2025).
- Welzel C., Deutsch F. (2012) Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of ‘Ecological’ Effects. *British Journal of Political Science*, vol. 42, no 2, pp. 465–479.
- William D. (2023) How Do Political Opportunities Impact Protest Potential? A Multilevel Cross-National Assessment. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 64, no 4, pp. 350–374.
- Wouters R., Walgrave S. (2017) Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*, vol. 82, no 2, pp. 361–383.
- Zabaev I., Oreshina D., Pruckova E. (2014) Sotsialnyy kapital russkogo pravoslaviya v nachale XXI v.: issledovanie s pomoshchyu metodov sotsialno-setevogo analiza. [Social Capital of Russian Orthodoxy at the Beginning of the 21st Century: A Study Using Social Network Analysis Methods]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 32, no 1, pp. 40–66 (in Russian).

Received: March 10, 2025

Citation: Mukhametov R. (2025) Vzaimosvyaz pravoslavnoy religioznosti i gotovnosti grazhdan RF uchastvovat v kollektivnykh politicheskikh deystviyakh: analiz dannykh Vsemirnogo issledovaniya tsennostey za 2011 i 2017 gg. [The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence from the 2011 and 2017 World Values Survey]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 121–151. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-121-151](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-121-151) (in Russian).